

ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ В РОССИЙСКОЙ ФАНТАСТИКЕ

Гуларян А.Б.

Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина,
кафедра лингвистики и гуманитарных дисциплин, доцент

Жанр альтернативной истории давно уже укоренился в отечественной фантастике. Спектр сюжетов – от Смутного времени до горбачевской перестройки. Но наибольшее внимание и у писателей, и у читающей публики вызывают две исторические точки: гражданская война и начало Великой Отечественной войны. Большинство сюжетов разбираемых книг строится на их основе. Но сюжетных ходов, которые используют авторы альтернатив, всего два: построение развилок и засылка «попаданцев». Бытование жанра альтернативной истории в отечественной литературе объясняется социальным дискомфортом, существующим в современном российском обществе.

Ключевые слова: чистая альтернатива, псевдоальтернатива, попаданцы, исторические аборигены, коллективная рефлексия.

EVOLUTION OF THE GENRE OF ALTERNATIVE HISTORY IN RUSSIAN SCIENCE FICTION

Gularyan A.B.

Oryol State Agrarian University named after N.V. Parakhin,
Department of Linguistics and Humanities, Associate Professor

The genre of alternative history has long been rooted in Russian science fiction. The range of subjects – from the Time of Troubles to Gorbachev's perestroika. But the greatest attention from both writers and the reading public is caused by two historical points: the civil war and the beginning of the Great Patriotic War. Most of the plots of the books being analyzed are based on them. But there are only two plot moves that are used by the authors of the alternatives: the construction of branchings and the sending of the "popadantsy". The existence of the genre of alternative history in Russian literature is explained by the social discomfort that exists in modern Russian society.

Key words: pure alternative, pseudo-alternative, popadantsy, historical aborigines, collective reflection.

Жанр альтернативной истории имеет уже довольно долгое бытование в мировой фантастике. Здесь стоит вспомнить произведения Пола Андерсона «Патруль времени» (1955), Филиппа Дика «Человек в высоком замке» (1962), Роберта Харриса «Фатерланд» (1962), Джона Браннера «Времена без числа» (1962), Василия Аксенова «Остров Крым» (1979). В своей статье «История в сослагательном наклонении» Сергей Зайков и Николай Мухортов дают два определения альтернативной истории: это «развернутая парадоксальная метафора нашего мира» и «средство художественного моделирования реальности» [16]. Приведенные определения очень точно характеризуют два направления в западной научной фантастике, разрабатывающих альтернативную историю.

Разработке первого направления посвящены романы Филиппа К. Дика и Роберта Харриса, которые нарисовали мир победившей гитлеровской Германии. В романе Филиппа К. Дика США вообще нет. Мир поделен между немецким Рейхом и японской Пацифидой, которые ведут «холодную войну». В романе «Фатерланд» русские остановили немцев на Урале. Там продолжаются упорные бои. США помогают Сибири военными поставками. Сюжет романа – срыв переговоров между Рейхом и США о

нормализации отношений. Сразу видно, что оба романа западных писателей – это действительно парадоксальная метафора нашего мира с противостоянием двух великих держав, холодной войной и возможностью ядерного конфликта. В перечисленных произведениях авторы описывали мир, историческое развитие которого зашло в тупик. Но ощущение безысходности, запечатленное в этих романах, относилось, разумеется, к нашему собственному миру, а не к альтернативному «зеркалу». Такова была реакция западных интеллектуалов на события Карибского кризиса и провал политики разрядки.

Художественному моделированию реальности посвящены немеркнущий цикл Пола Андерсона и роман Джона Баннера, в котором Великая Армада успешно высадила испанский десант в Англии. Впрочем, при чтении этих романов складывается ощущение, что авторы пытались обосновать идею исторической исключительности Запада. Они прямо указывают своим читателям, что, не будь западноевропейской цивилизации, человечество зашло бы в тупик, ибо именно Запад ведет его вперед и на Западе держится весь мир.

В этом отношении российская альтернативная история резко отличается от западноевропейской альтернативки, ибо представляет собой коллективную рефлекссию о правильности выбранного исторического пути. Сомнения в правильности сделанного выбора возникают в российском обществе регулярно. Рано или поздно после очередного «судьбоносного» и «определяющего будущее» решения в обществе появляется неудовлетворенность сделанным выбором и определенным им положением дел в стране и в мире. Но в первый раз подобная рефлексия опосредуется массовой литературой. В реальности изменить в настоящем ничего нельзя, ибо невозможно вернуться в прошлое и «переиграть» переставшее устраивать общество историческое событие. Но в фантастическом произведении это возможно и допустимо. Что позволяет нарисовать картину «желаемого» настоящего помимо «текущей реальности».

Сергей Зайков и Николай Мухортов настаивают, что первый роман в жанре альтернативной истории был написан в нашей стране, и в этом я с ними согласен. В качестве первого такого произведения Сергей Зайков и Николай Мухортов указывают повесть «Бесцеремонный Роман» трех екатеринбургских писателей – Вениамина Гишгорна, Бориса Липатова, Иосифа Келлера [12]. Однако мне известен другой писатель – Михаил Первухин, выпустивший свой роман за четыре года до екатеринбургских писателей. Правда, не в России, а за границей.

Сюжет «Бесцеремонного Романа» таков: современник авторов, комсомолец Роман, отправляется на машине времени в эпоху наполеоновских войн. Он помогает Наполеону победить при Ватерлоо, за что получает от императора титул князя и становится главным советником Наполеона в реформах и преобразованиях, что, по мысли авторов романа, на девяносто лет приближает мировую пролетарскую революцию. Парижская коммуна победила.

Естественно, подобный подход противоречил марксистско-ленинскому принципу исторического детерминизма и закономерности исторического развития. Поэтому жанр, изобретенный советскими писателями, в советской литературе не закрепился. Достаточно сказать, что Михаилу Первухину повезло меньше, чем екатеринбуржцам: свое первое произведение «Вторая жизнь Наполеона» [32] он опубликовал в Москве в 1917 году, а второе – роман «Пугачев-победитель» – уже в Берлине в 1924 году [33]. Впрочем, «Вторая жизнь Наполеона» является произведением скорее не альтернативной, а крипто-истории: в этом романе повествуется о том, как группа заговорщиков-бонапартистов выкрадывает Наполеона с острова Святой Елены, а также описываются дальнейшие приключения этой группы в Африке, где Наполеон пытается создать свое собственное государство, но умирает. То есть происходит нечто, не вписанное в официальную историю, но где-то за краем цивилизованного мира и на основную историческую последовательность не влияющее. А вот «Пугачев-победитель» является реконструкцией мира, в котором

крестьянское восстание действительно победило, и прослеживаются все последствия этого события для страны.

Но настоящее рождение жанра альтернативной истории в России произошло только в эпоху горбачевской «перестройки». Десятки талантливых писателей пытались и пытаются отразить точки расхождения реальной и альтернативной истории. Среди произведений, обративших на себя внимание, необходимо отметить работы Андрея Аникина «Смерть в Дрездене» [2], Льва Вершинина «Первый год Республики» [9], Василия Звягинцева «Одиссей покидает Итаку» [19], «Право на смерть» [20], «Время игры» [21] и «Дырка для ордена» [22], Андрея Лазарчука «Все способные держать оружие» [27], Владимира Серебрякова и Андрея Уланова «Из Америки с любовью» [41], Федора Березина «Встречный катаклизм» [5] и «Параллельный катаклизм» [6], Сергея Анисимова «Вариант "Бис"» [3], Андрея Максимушкина – циклы «Реванш» [30] и «Бомбардировщики» [31], Дмитрия Володихина «Доброволец» [11], «Слишком человеческое» [26], «Ромейское море» [36], Олега Дивова «Вундервафля» [14], «К вопросу о навигационных авариях» [15], «Американцы на Луне» [32], Сергея Буркатовского «Вчера будет война» [7], Анатолия Логинова «Три танкиста из будущего» [29], Федора Вихрева «Третий фронт» [10], Алексея Рюрикова «В бездне времен» [37], Романа Злотникова – циклы «Царь Фёдор» [23] и «Генерал-адмирал» [24], Бориса Толчинского – романы «Нарбонский вепрь» [43], «Боги выбирают сильных» [44], «Воскресшие и мстящие» [45], Хольма ван Зайчика – цикл «Евразийская симфония» («Дело жадного варвара», «Дело незалежных дервишей», «Дело о полку Игореве», «Дело лис-оборотней», «Дело победившей обезьяны», «Дело судьбы Ди») [17], [18] и многие другие. Сюда же примыкает не являющееся полноценным литературным произведением эссе Сергея Переслегина «Бриллиантовые дороги» [34], которое представляет собой таймлайн одного из альтернативных миров. Количество произведений в жанре альтернативной истории в нашей литературе поражает воображение. Писатели относятся к поставленной задаче слишком серьезно, и поток альтернативных сочинений пока не иссякает.

Анализ перечисленных произведений показывает, что двумя основными точками рефлексии до последнего времени являлись гражданская война в России и начало Великой Отечественной войны с гитлеровской Германией. Вновь и вновь писатели (а вслед за ними читатели тоже) разными путями ищут выигрышные ходы за белое движение (в широком смысле слова – за монархистов) в 1917-1920 годах и за руководство Советского Союза в 1941 году. Покушение на П.А. Столыпина (Дарья Плещеева, Дмитрий Федотов «Охота на льва» [35]), революция 1905 года (роман Серебрякова и Уланова), Русско-японская война (произведения Василия Звягинцева), перспективы движения декабристов (повесть Льва Вершинина, рассказ Анны Ветлугиной и Дмитрия Максимова «Бомба мира» [36]), Отечественная война 1812 года (повесть Андрея Аникина, сборник «Гусариум» [13]) или Смутное время (цикл Романа Злотникова), и, что странно, горбачевская «катастрофа» вызывают гораздо меньший интерес у писателей и читающей публики.

Во всяком случае, Андрей Максимушкин со своим циклом-«триколором» «Реванш» (входят произведения «Красный реванш», «Белый реванш» и «Синий реванш»), в котором в СССР вместо опереточного ГКЧП случился настоящий государственный переворот, и власть взяли в свои руки технократы в союзе с госбезопасностью и «молодой» верхушкой армии, до последнего времени оставался в гордом одиночестве. В настоящее время появилась еще одна повесть на схожую тему – «Спасти СССР» Валерия Белоусова, но это произведение настолько своеобразно, что заслуживает отдельного разбора. Что же касается цикла Максимушкина, то этот текст долго ждал своего часа на сайте Самиздата под названием «Зеленый свисток». Так что, возможно, отсутствие произведений по альтернативе «перестройке» связано не с отсутствием интереса к ней как таковой, а с редакционной (и не только редакционной) политикой.

Не стоит забывать, однако, что интерес к историческим развилкам во многом определяется общественной конъюнктурой юбилейных дат. В 2012 году в России широко

отмечалось 200-летие Первой Отечественной войны и победы над Наполеоном. Русские писатели-фантасты не смогли пройти мимо этой даты, и появился проект «Гусариум» Делии Трускиновской и Алексея Волкова. Они издали сборник научно-фантастических произведений об Отечественной войне 1812 года, в котором представлены и фэнтези, и стимпанк, и альтернативная история [13]. И вот группа каскадёров-кавалеристов в полной экипировке XIX века проваливается со съёмочной площадки на настоящую войну и помогает крестьянам истребить французских мародёров в рассказе «Ничейный отряд» Делии Трускиновской; расчет миномета, только что окапывавшийся на Бородинском поле в октябре 1941 года, открывает огонь по плотным французским колоннам 26 августа 1812 года в рассказе «Угол возвышения» Андрея Ерпылёва; паровые сухопутные дредноуты маршала Нея атакуют Смоленск под бомбардировочными ударами русских махолётов в рассказе «Махолётного полка поручик» Владислава Русакова; а в поверженном Париже башкирский лучник, седьмой сын седьмого сына и вдобавок внук шамана, схватится в схватке с пытающимся изменить историю французским некромантом-бонапартистом в рассказе «Череп Робеспьера» Дмитрия Богущкого. А вот дата 2014 года – столетие начала Первой Мировой войны – не получила подобного внимания со стороны писателей-фантастов.

При этом заметна эволюция произведений жанра альтернативной истории от так называемой «чистой» альтернативы к «псевдоальтернативе». Именно так разделил два типа литературных сюжетов в своей статье «Что такое альтернативная история?» автор под «ником» Ноахег на сайте «Альтернативная история» (<http://alternativa.fastbb.ru/index.pl>). В «чистой» альтернативной истории развилка случается в силу естественных факторов и причин и описывается методами реализма («лошадь захромала – командир убит, конница разбита – армия бежит, враг заходит в город, пленных не щадя, потому что в кузнице не было гвоздя... Вот не случилось гвоздя – и всё»). В «псевдоальтернативе» изменение происходит под воздействием *deus ex machina* (пришельцы из будущего, пришельцы из космоса, деятельность тайных «герметичных» обществ) [1]. В современной российской фантастике все меньше и меньше «чистых» альтернатив и все больше и больше «попаданцев»¹ из нашего настоящего в прошлое. Опираясь на свои представления о добре и зле, а также доступные технологии из будущего, «попаданец» стремится переделать историю, чтобы избежать «роковых» ошибок. Изредка это заканчивается кровью. И очень часто – большой кровью.

К «чистой» альтернативной истории относятся вышеперечисленные произведения Андрея Аникина, Льва Вершинина, Федора Березина, Сергея Анисимова, Андрея Максимушкина, Алексея Рюрикова, Владимира Серебрякова и Андрея Уланова, которые подробно описывают обстоятельства, приведшие к исторической «развилке», и много рефлектируют о её последствиях. Приключениям «попаданцев» в иных временах посвящены произведения Василия Звягинцева, Романа Злотникова, Сергея Буркатовского, Анатолия Логинова, Федора Ветрова.

Что же касается Дмитрия Володихина, то он в равной степени владеет обеими схемами построения сюжета: в повести «Ромейское море» и рассказе «Слишком человеческое» он искусно формирует развилку (в первом произведении даже вставлен в текст отрывок из псевдо-летописи, чтобы ее оправдать), в «Добровольце» отправляет нашего современника в 1919 год, на гражданскую войну.

Следует отметить, что «попаданческая» литература очень разнится по своему качеству. В романах Сергея Буркатовского и Дмитрия Володихина очень много

¹ Слово «попаданец» – неологизм, модное русское слово, обозначающее литературного персонажа, попавшего из настоящего в прошлое. На Западе первым «попаданцем» можно назвать янки, по воле Марка Твена побывавшего при дворе короля Артура, в России – упомянутого выше бесцеремонного комсомольца Романа (недаром два этих произведения – Марка Твена и трех екатеринбургских авторов – вышли в России под одной обложкой в 1991 году).

рефлексии, эти писатели подробно описали переживания своих героев и попытались с документальной точностью отследить все последствия их появления в прошлом. Василий Звягинцев был заморожен, кажется, собственными идеями о контролирующей нашу Вселенную трансцендентной Гиперсети, приключения же его героев, контактёров с Гиперсетью, при их подавляющем техническом превосходстве над историческими аборигенами достаточно однообразны (*Veni, vidi, vici* по Юлию Цезарю). Анатолий Логинов честно пытается совместить сюжетно-игровую составляющую с идейной нагрузкой. Роман же Федора Ветрова (это коллективный псевдоним) о коллекционировании «попаданцами» тушек гудерианов и фуражек гейдрихов в 1941 году напоминает обыкновенный стеб над уже сложившимися жанровыми клише.

Задав таким образом систему координат, можно приступить к изучению «поля» альтернативной истории.

Массовый интерес к альтернативной истории в России появился после выхода в 1992 году романа Василия Звягинцева «Одиссей покидает Итаку», ставшего в свое время бестселлером и давшего начало циклу, который, к всеобщему прискорбию, теперь так и останется незавершенным. Его герои – Новиков, Шульгин, Левашов, Воронцов и Берестин (кстати, это известные русские дворянские фамилии) – получив доступ в Гиперсеть, одерживают победу над представителями двух могущественных звездных сверхцивилизаций. Причем не только в пространстве, но и во времени: чтобы устранить вмешательство инопланетян в земную историю, герои Звягинцева «переигрывают» в пользу Сталина пограничное сражение в июне 1941 года и помогают белому движению утвердиться на юге России в 1920 году. Таким образом, Василий Звягинцев отрефлексировал обе вышеназванные «болевы точки» русской истории. Впоследствии «белая альтернатива» была «достроена» Звягинцевым до 1904 года в романах «Право на смерть» и «Дырка для ордена». Здесь его герои Новиков и Шульгин проваливаются еще в одну альтернативную реальность – «боковое время», в котором в России не было революции 1917 года, поскольку она в 1904 году выиграла русско-японскую войну. Подобная творческая эволюция закономерна: любому российскому гражданину, освоившему курс русской истории, ясна связь событий 1917 года с событиями 1904-1905 года. При этом все романы Василия Звягинцева – это «псевдоальтернативы», его герои выступают «богами с машины», разрешающими все проблемы «исторических аборигенов».

Очень интересна идейная эволюция писателя Василия Звягинцева. От шаблонных представлений о безусловно злодейской природе Берии и Сталина в «Одиссее, покидающем Итаку» и безудержного восхваления «белого дела» в «Разведке боем» писатель привел своих героев к необходимости сотрудничества с «отцом народов» в романах «Бои местного значения» и «Скорпион в янтаре». Ниже будет показано, что подобная эволюция характерна для творчества не только Звягинцева, но и для других писателей, работающих в рассматриваемом жанре.

Таким образом, Василий Звягинцев обозначил смыслы, которые впоследствии распаковывали другие авторы, работающие в жанре альтернативной истории.

Наиболее своеобразно «распаковали» смысл о возможной альтернативе Великой Отечественной войны Сергей Переслегин и Андрей Лазарчук, в своих произведениях (очерк «Бриллиантовые дороги» и повесть «Все способные держать оружие») описавшие миры победившего Третьего рейха. То есть Германия победила, а Россия каким-то чудом избежала ужаса расчленения и холокоста. Авторы объясняют подобное чудо «переоценкой ценностей», произошедшей в Третьем рейхе в ходе войны. Переслегин ограничивается абстрактными рассуждениями о связи с подобной переоценкой тактического мастерства, Лазарчук более конкретен: после того, как в 1942 году самолёт Адольфа Гитлера взорвался в воздухе, новый рейхсканцлер Герман Геринг отстранил Розенберга, Гиммлера и других наиболее одиозных приближенных фюрера, а получившие свободу рук немецкие генералы «додали» Красную Армию. Европейская Россия вошла

в Рейх, в Сибири возникло своё новое правительство. В обоих сценариях происходит реванш: у Переслегина – в 1968 году, когда Москва не позволила Берлину подавить «Парижскую весну» и немцы утратили первенство в Организации Берлинского договора, у Лазарчука – в 1991 году, когда после многоходовой военно-политической интриги сибирские егеря высаживаются в Москве.

Оба сценария полны таких неувязок и противоречий, что не заслуживали бы серьёзного внимания, если бы не одно но... Два писателя из страны, вынесшей всю тяжесть Второй Мировой войны и внесшей решающий вклад в разгром фашизма, в своих произведениях описали поражение этой страны. Это, как минимум, требует объяснения. Первая мысль, которая приходит в голову, – авторы описанных сюжетов соблазнились «зеркальным перевертышем» нашей текущей реальности, в которой от развала Советского Союза выиграла, прежде всего, объединившаяся Германия. В доказательство этой идеи можно апеллировать к действенности риторики наших западных «друзей» и наших собственных либералов образца 90-х годов о том, что побежденные живут лучше победителей. Правда, при этом затемнялся интересный момент, сколько наши союзники, ставшие противниками в «холодной войне», вложили денег в этих побежденных. В пику нам, бывшим союзникам. Аналогичную точку зрения высказал в статье «Цена могущества и миф об удерживающем» литературный критик Леонид Фишман, заявивший, что «гитлерофилы» в российской фантастике пытаются реализовать привлекательный, но эгоистический вариант России «для себя» [46].

Сейчас я готов серьезно дополнить эту точку зрения. Ведь за Лазарчуком и Переслегиным вполне пристойную или даже хорошую жизнь русских в Третьем рейхе описали Сергей Абрамов («Тихий ангел пролетел»), Сергей Синякин («Полукровка») и Всеволод Шиловский («Противостояние»). А отповедь, которую попытались дать «гитлерофилам» писатель Андрей Валентинов [8] и публицист Владимир Лещенко [28], неожиданно привела к дискуссии этих литераторов с подрастающими русскими «наци» на сайтах Интернета. По-видимому, дело не только в эстетической привлекательности «зеркального перевертыша», но в чем-то более глубоком. Это «более глубокое» развернулось сейчас во всей красе сначала в прибалтийских странах, а потом на Украине, особенно начиная с декабря 2013 года. Не буду делать лишнюю рекламу акторам политического процесса в постсоветских странах (они и так постоянно у нас на слуху), отмечу только самое главное. Они готовы идти хоть за сатаной, только бы подальше от России и её советского прошлого. Но подобные политические акторы есть и в нашей стране. Я совершенно не удивлюсь, если какой-нибудь сторонник либертарианства на практике выступит за перемещение большей части населения России в концлагерь. А что делать, если нашим либералам в очередной раз «не повезло» со своим народом?

В этом отношении огромную разоблачительную силу несет в себе опубликованный в прошлом году в антологии «Лабиринты времени» рассказ писателя Дмитрия Володихина «Слишком человеческое» [26]. Он показывает реальность, в которой гитлеровская Германия одолела Советский Союз. Главный герой рассказа – русский ренегат на немецкой службе – готов растоптать свою бывшую семью, чтобы выбиться в «слуги первого класса». И описан он столь достоверно, что вызывает отторжение не только на уровне разума, но и на уровне чувств, эмоций. Отщепенец получился у Володихина как живой – страшный и очень реалистичный. Реалистичный тем, что не лишен рефлексии, внутреннего диалога, колебаний, а страшный – потому что после каждого такого колебания он утверждает в еще большей ненависти ко всему русскому, что еще осталось в нем самом и есть в его родственниках, которых он считает бывшими.

Стоит отметить также, что Лазарчук и Переслегин создавали реальность с заранее заданными свойствами и не смогли обойтись без *deus ex machina*. У Андрея Лазарчука это конспиративная организация хроноэмигрантов, перекраивающих историю для предотвращения конца света в «своем» времени. Сергей Переслегин не заявляет прямо «попаданцев» в своем очерке, но и не отвергает их. По его намекам и недомолвкам можно

догадаться, что речь идет о деятельности конспиративного общества людей, заглянувших так далеко вперед, что это превратило их в прогрессоров² по отношению к современникам. Со временем идея об обогнавших свое время прогрессорах стала основополагающей у Переслегина, и он не оставляет попыток создать подобную группу в текущей реальности (имеется в виду его деятельность в группе «Конструирование Будущего»).

Таким образом, Лазарчук с Переслегиным фактически бросили вызов базовым представлениям российского общества о собственной истории. Российская фантастика дала достойный ответ этому вызову. Основным допущением альтернативно-исторической литературы стал иной исход пограничного сражения июня 1941 года и более быстрое окончание войны «освободительным походом» Красной Армии в Европу. Описанию этого варианта истории посвящены упомянутые выше романы Федора Березина и Сергея Анисимова, которые являются «чистыми» альтернативами. Федор Березин в своей характерной манере технотриллера описывает ситуацию пробоя между мирами – нашим миром бушевской Америки и ельцинской России и миром, где СССР, начавший превентивную войну по лекалам Суворова-Резуна³, стал мировым гегемоном. Сергей Анисимов описывает вариант истории, когда в 1944 году Советский Союз ведет бои на Рейне не только с Германией, но и с изменившими ему союзниками – Британией и Америкой. Оба автора обходятся без «попаданцев», это «чистая» альтернатива. Оба автора, несмотря на известный технократизм, пристально интересуются людьми, их судьбами, мыслями, переживаниями. И, разумеется, неизбывный вопрос о соотношении средств и целей. Достойный ответ Лазарчуку с Переслегиным.

А дальше в альтернативной литературе высадился целый десант «попаданцев». Сначала единицами, как у Сергея Буркатовского, а потом целыми компаниями, как у Анатолия Логинова и Станислава Сергеева [38; 39; 40]. Последний автор, подобно Лазарчуку, соединил альтернативную историю и эсхатологию: у него к Сталину попадают люди, пережившие в своем времени атомный апокалипсис. Авторы целыми Интернет-форумами отправляются в минувшее, дабы переписать историю заново (Федор Вихрев – коллективный псевдоним участников форума «Вихри времен»). Сюжет этих произведений однотипен: провал в прошлое, в начальный период войны – разнообразные мытарства и подвиги на фронте – встреча с товарищами Берией и Сталиным, передача им стратегических сведений об атомной бомбе и ракетостроении. Разнообразие сюжетных линий определяется идеологическими установками, эстетическими вкусами и литературной искусностью авторов. О «попаданцах» были даже сняты два фильма: «Мы из будущего» и «Мы из будущего – 2», в которых современные молодые люди, провалившись в прошлое, попадают на фронт и не могут вернуться назад, пока не изменят что-то в ходе военных действий. Эти фильмы оказались довольно востребованными у современной молодежи.

Необычайная популярность историй про «попаданцев» кроется в неприятии большей частью российского народа положения дел в России и в мире. Советский проект провалился, в полноправные члены Запада нас не пустили. Все больше и больше проявляется несправедливость современного мироустройства. Это не может не рождать реваншистских настроений в российском обществе. Эти реваншистские настроения

² В российской научной фантастике прогрессоры – это представители высокоразвитых разумных рас, в чьи обязанности входит содействие историческому прогрессу цивилизаций, находящихся на более низком уровне общественного развития.

³ Виктор Суворов (Владимир Богданович Резун) – советский перебежчик, бывший офицер ГРУ Генерального Штаба СССР. Живет в Великобритании. В своих книгах, первая из которых называется «Ледокол», пытается доказать, что Сталин в 1941 году готовил нападение на Германию, а Гитлер опередил его на две недели. Большинство академических историков (в первую очередь наиболее авторитетные западные историки) отвергают его концепцию.

проявляются двояко. Во-первых, в многочисленных сценариях грядущей войны, которые лежат за пределами данной темы. И во-вторых, в «попаданческих» сценариях начала Великой Отечественной войны, потому что именно в событиях июня-октября 1941 года русский народ давно уже видит исток современного положения дел. Неудивительно, что часть «доброкачественной агрессии» (по Эриху Фромму) нашего общества направляется не только в будущее, но и в прошлое. Реванш начинается с пересмотра прошлого.

Необходимо отметить также, что для «попаданческих» романов характерно комплиментарное изображение Сталина и Берии. Это закономерно, ибо при традиционном для сложившейся современной исторической публицистики описании этих персонажей в качестве основных «исторических злодеев» всякое «попаданчество» в их эпоху теряет всякий смысл. Поэтому в большинстве альтернативно-исторических романов Сталин и Берия – крепкие хозяйственники и вменяемые политики. А писатель Валерий Белоусов в своем романе «Спасти СССР» [4] вообще отправил Берию из июня 1953 в август 1991 года, дабы он спас великую державу от развала. Все это можно было бы объяснить простым эпатажем, если бы подобные романы не расходились шеститысячными тиражами и не имели своего читателя. Как и в случае с «гитлерофильством», всё глубже, чем кажется. В менталитете русского (а также украинского и еврейского) народа заложен феномен «духа противоречия», выражающийся в отрицании даже объективно верной информации, если её начинают агрессивно навязывать извне. Наша официальная пропаганда в последние двадцать лет слишком агрессивно разоблачала тоталитарность и преступность сталинского режима. Настолько агрессивно, что публика стала сомневаться в истинности этих разоблачений. Поэтому появился спрос на литературу, обеляющую Сталина.

Как серьезную заявку на тему, близкую к «реваншу июня 1941 года», следует воспринимать сюжет о создании Континентального блока Германии и России (по мысли Сергея Переслегина – ночной кошмар западной демократии) [34]. Эта тема представлена циклом Андрея Максимушкина «Бомбардировщики» и книгой Игоря Николаева и Александра Столбикова «Новый мир» [42], которая является началом нового цикла, дополненного сейчас романами «Война за империю» и «1919» (правда, с другим соавтором). В варианте Андрея Максимушкина СССР является союзником нацистской Германии против «великих западных демократий», которые успели-таки прийти на помощь Финляндии в той самой Зимней войне. На свою голову... СССР и Третий Рейх заключают оборонительный союз, и «сталинские соколы» принимают участие в Битве за Британию в 1940 году. А против «сталинских соколов» никто не устоит, будь он хоть трижды британец... Мировая геополитика выворачивается наизнанку, и вот уже советский флот осваивает порты в Корнуолле... Описанный в романах Максимушкина союз кажется очень неустойчивым и нежизнеспособным, автору так и не удалось внятно объяснить читателям причины и условия его долговременного существования. Но это не «гитлерофильство», как у Переслегина и Адамова, это первый, не совсем удачный, подход к новой теме. Более удачное произведение получилось у писателей Игоря Николаева и Александра Столбикова. Авторы предложили вариант альтернативной истории, в котором Адольф Гитлер сошел с политической сцены еще в 1920 году, получив по черепу костылем от ветерана Великой войны. Этот ветеран объединил три социалистические партии и стал Первым Министром Германской Демократической Республики и лучшим другом Советского Союза... Но проклятый «британский бульдог» Черчилль навязывает «Континентальному блоку» войну, благополучно проигрывает ее, теряет союзника – Францию и... сразу же бросается в новую войну. Ибо выкладки разведчиков и экономистов свидетельствуют – англосаксы проигрывают экономическое соревнование большевикам... «Континентальный блок» однороден, его составляют коммунистические СССР и ГДР, в этих странах общественные процессы, например, антитроцкистская дискуссия 1927 года, проходят параллельно. Это единый организм, в отличие от химеры Максимушкина. Вот в этой идее – создании блока континентальных держав,

конкурентоспособного «атлантической экспансии», – и состоит главная находка писателей.

Вторая болевая точка – гражданская война – беспокоит воображение наших современников не так сильно. Кроме Василия Звягинцева, на этой теме заявили: Дмитрий Шидловский («Великий перелом», «Враги») [49], Дмитрий Володихин («Доброволец»), Владимир Серебряков и Андрей Уланов («Из Америки с любовью»), Алексей Рюриков («В бездне времен»), Татьяна Беспалова («Два письма»), Сергей Сизарев («Черная гвардия»), Александр Музафаров («Путь горы»). Последние три повести увидели свет под одной обложкой в сборнике «Поворот рек истории», вышедшем в прошлом году в издательстве «Яуза» [36].

Описание альтернативной реальности в «белогвардейских» мирах, подобно «попаданческим» сюжетам, довольно однообразно и схематично. В эту схему укладывается основательный викторианский консерватизм, перемешанный с модернизационными инновациями («балы, красавицы, лакеи, юнкера и вальсы Шуберта, и хруст французской булки»), но при этом в России есть атомная бомба и осуществляются полеты в Космос. Как, например, в романе Серебрякова и Уланова. Подобные противоречия авторы белогвардейских реваншей объясняют тем, что страна все-таки пережила гражданскую войну (хотя и с другим финалом), которая кардинально поменяла сознание людей (Василий Звягинцев, Алексей Рюриков, Татьяна Беспалова, Сергей Сизарев, Александр Музафаров, Ольга Чигиринская). То есть перед нами те же революционеры, только не «слева», а «справа». Избежать же кардинального изменения общественного сознания для российского общества в начале XX века, по-видимому, невозможно...

В этом отношении интересна повесть молодого писателя Сергея Сизарева, который сумел довести идею об измененном сознании почти до абсурда. В его повести белые получают в свои руки технологию копирования сознания одного человека в мозг другого. С помощью этой технологии создается всепобеждающая Черная гвардия – люди, в сознании которых присутствуют несколько личностей, в том числе убитые ими красные военачальники. Зная из «первых рук» тактические приемы и стратегию Красной Армии, Черная гвардия одерживает победу над большевиками... и сталкивается с мощным сопротивлением Русской Православной церкви, обвинившей победителей в скверне.

Оригинальное решение предложила в своем рассказе Татьяна Беспалова: в ее произведении вторая часть полностью выворачивает наизнанку содержание первой, опровергает его. В первой части мы знакомимся с героем, который рассказывает о своей дружбе с известным профессором юриспруденции Владимиром Ульяновым, старший брат которого не был казнен, а отправлен в ссылку в Шушенское (sic!). Владимир Ильич, не имея оснований мстить за старшего брата, обратился к Богу, женился, стал профессором и живет обывательской жизнью в провинциальном Симбирске. Соответственно, без него большевики не смогли удержаться у власти, и были разгромлены белогвардейцами. Во второй части все это оказывается бредом в воспаленном сознании одного из уцелевших большевиков, разум которого не пережил поражения революции и выстроил свой вымышленный мир, чтобы защититься от жестокой реальности. А Ленин действительно был революционером и погиб во время разборок в большевистском руководстве...

С еще более оригинальной концепцией выступила Ольга Чигиринская, решившая написать продолжение повести «Остров Крым» Василия Аксенова. Ее цикл «Ваше благородие» лучше назвать романом, разбитым на две части [47; 48], в котором описанная Аксеновым белогвардейская республика дала сокрушительный отпор начавшейся советской агрессии. Правда, не все читатели оценили шутку издателя по «перемене пола» автору этих произведений. Мне не понравилось также появившееся на сайте «Фантлаба» выражение «альтернатива альтернативы» по отношению к роману Чигиринской. Ольга Чигиринская не перекраивает Аксенова и не делает из него альтернативы: она разворачивает сюжет в противоположном направлении там, где Аксенов поставил в своем

романе точку. То есть действует исключительно корректно по отношению к «базовому» произведению. К недостатку этого произведения можно отнести то, что Остров Крым Ольги Чигиринской отражает советскую агрессию чисто «по-шпановски». Как и в знаменитом романе «Первый удар» Николая Шпанова, враг делает не то, что он может сделать в реале, а то, что разрешает ему Ольга Чигиринская. Так что ее роман нельзя назвать добротным произведением.

Примером добротного конструирования альтернативной реальности являются упомянутые выше циклы «Царь Федор» и «Генерал-адмирал» Романа Злотникова. Автор демонстрирует недюжинное знание исторического материала и одновременно разворачивает программу преобразований, которую можно считать актуальной и для нашей современной России. Сюжеты Романа Злотникова знаменуют собой отход от двух выделенных нами «болевых» точек русской истории: события цикла «Генерал-адмирал» происходят в конце XIX – начале XX века, во времена Англо-бурской войны, цикл «Царь Федор. Второй шанс» отсылает нас к Смутному времени. Правда, автор явно подыгрывает своим попаданцам: в его произведениях сознание нашего современника переносится в тело реального исторического лица – Великого князя Алексея Александровича и царевича Федора Годунова. Но в остальном Злотников реалистичен: история в его романах имеет определенную устойчивость и сопротивляется изменениям. Например, в романе «Царь Федор» главный герой, устранив Григория Отрепьева, с удивлением узнает о появлении на польской границе войска «царевича Дмитрия». И этот самозванец оказывается «чисто польского замеса» и даже по-русски разговаривает с акцентом...

Очень интересна программа для попаданца от Романа Злотникова. Его герой начинает с того, что создает школы нового образца для подготовки собственного кадрового резерва, постепенно начинает реформировать экономику, вводит новые формы хозяйствования, и только потом, опираясь на кадровый и экономический потенциал, принимается за реформирование армии (в цикле «Генерал-адмирал» – флота) и политики. Но заканчивается все новым циклом экономических реформ (sic!).

Намечающийся отход жанра альтернативной истории от «болевых» точек XX века проявляется также в переиздании романов Бориса Толчинского, входящих в цикл «Божественный мир». Первые два романа – «Нарбонский вепрь» и «Боги выбирают сильных» – вышли в свет еще в 1999 году, последний – «Воскресшие и мстящие» - опубликован только сейчас вместе с первыми двумя романами. Борис Толчинский описывает мир Новой Римской империи, которую он называет Аморийской. Точка расхождения с нашим миром – времена Аттилы и Аэция. Римская империя не пала, а была выдвлена варварами из Европы в Африку. Где восстала, как феникс из пепла, нашла новую волю в борьбе и новые силы для жизни, а вместе с ними – новые технологии, иные из которых представляются фантастическими даже для нас. Поэтому Аморийская империя господствует в Ойкумене, так что правители Китая и Японии шлют в ее столицу своих послов с заверениями в преданности и союзнических отношениях.

Показательно, что одновременно с романами Толчинского выходит и первое произведение Хольма ван Зайчика (коллективный псевдоним Вячеслава Рыбакова и Игоря Алимова) «Дело жадного варвара» (2000 г.). Этот роман стал началом большого цикла «Евразийская симфония» об альтернативном мире, где тоже доминирует одна единственная держава – Ордусь, объединившая практически всю Евразию. Это государство представляет синтетическое соединение Руси, Орды и Китая. Оно глубоко традиционно, проникнуто духом конфуцианства, но диктует свои условия остальному миру, поскольку контролирует все запасы углеводородов, за исключением техасских и венесуэльских.

Ордусский цикл сразу завоевал внимание и признание публики. Путь «Божественного мира» Толчинского к читателям оказался довольно тернист, несмотря на то, что по своим художественным достоинствам и проработанности ничуть не уступает творению Вячеслава Рыбакова и Игоря Алимова. Скорее всего, это связано с тем, что в

государстве Ордусть узнается СССР в том виде, в каком его задумали большевики в 1924 году, – универсальное государство, охватывающее постепенно весь земной шар. У Бориса Толчинского тоже описано универсальное государство, но развилку он выбрал слишком далекую, не «цепляющую» массового читателя. Но, повторяюсь, то, что два этих проекта появились практически одновременно, не кажется мне случайным. Именно в это время наступает разочарование в так называемом «цивилизованном» западном пути развития России и в общественное сознание возвращается имперская идея.

Проект своего собственного универсального государства разрабатывает в настоящее время Дмитрий Володихин. Судя по отрывкам, выложенным в Интернете, называться оно будет Эллинороссия и представляет собой сплав, соединение Руси с Византией. Опубликована первая повесть этого цикла – «Ромейское море» – в упоминавшемся уже сборнике рассказов «Поворот рек истории». Ромейская империя (это официальное самоназвание Византии) устояла благодаря своевременному вливанию молодой русской крови: русские полки очень вовремя подоспели на помощь императору Мануилу в его решающей битве с персами. И скоро русичи вытеснили греков из военного дела, а потом оттеснили и от управления государством. Императором тоже стал русский князь – Всеволод Большое Гнездо.

В терминах, принятых в данной статье, рассмотренные миры Толчинского, Ван Зайчика и Володихина – это «чистая» альтернатива. Расхождение с нашей реальностью здесь объясняется естественными причинами. Такого не было, но теоретически могло быть.

А вот в рассказе молодого, подающего большие надежды писателя Игоря Прососова «Посмотрите на законника», опубликованном в антологии «Лабиринты времени» [26], действует «герметичное» общество, которое перестроило мир под себя, для собственного комфортного существования. Этот мир однороден – в нем нет национальных государств, нет конфессиональных различий, есть только независимые города-государства по типу средневековой Флоренции и Венеции. Точка расхождения, между прочим, – подписание Флорентийской унии, ликвидировавшей раскол между католиками и православными. Остается добавить, правда, что «герметичное» общество, контролирующее этот мир, – вампиры.

Еще дальше по линии времени отправляется писатель Дмитрий Федотов в рассказе «Пять шагов за окоём» (сборник «Поворот рек в истории») [36]. А именно – на реку Калку, где объединенное (sic!) русское войско одерживает блестящую победу над монголами. Дмитрий Федотов обошелся без «попаданцев», его произведение – «чистая» альтернатива. Правда, русские князья у него не такие, какими они были в реальности, и таковые, какими их хотели в свое время видеть авторы «Слова о полку Игореве» и «Слова о гибели земли Русской», – мудрые правители и храбрые полководцы, способные в случае нужды поступиться своими амбициями.

Еще одно произведение, которое хотелось бы рассмотреть, не имеет строгого отношения к альтернативной истории. Скорее, это намеченный Михаилом Первухиным жанр крипто-истории: внешне исторические события не меняются, история идет привычным руслем, но... «не так все было, совсем не так» ©. Речь идет о романе Владимира Калашникова «Лига выдающихся декадентов» [25], в котором группа философов и литераторов Серебряного века – каждый из которых существовал в реальности – противостоит некоей мистической «мировой закулисе» – мистическим и масонским обществам, пытающимся подорвать устои русской литературы и самой России. Роман состоит из четырех повестей, каждая из которых посвящена самостоятельному детективному расследованию, за которое берутся главные герои. Несмотря на мистическую атмосферу и откровенное ёрничание, допускаемое автором в отдельных местах, «Лига выдающихся декадентов» – вполне зрелое и очень серьезное произведение. Во-первых, Владимир Калашников хорошо эрудирован, он затевает с читателем игру, расставляя в своем тексте цитаты и отсылки на известные произведения.

Во-вторых, импонирует главная философская мысль автора о том, что русская культура логоцентрична, в ней первенствует литература, поэтому диверсия против литературы куда опаснее технологических диверсий.

Закончить очерк хотелось бы рассмотрением рассказа молодого, но подающего большие надежды писателя Григория Елисеева «Точка слома» (антология «Лабиринты времени»). В этом рассказе Елисеев вступает в заочную полемику с Полом Андерсоном. Если у Андерсона патруль времени раз за разом возвращает ход истории в привычное русло, то у Елисеева патрульные проигрывают борьбу силе, оставшейся для читателя таинственной, и история резко изменяет свое русло. Всему миру это пошло на пользу: в исходной реальности на месте Америки было атомное пепелище – результат неудачного испытания новой силовой установки, а в обновленном мире русский Президент принимает американского. Оказывается, не всякие изменения для истории плохи. Григорий Елисеев даже делает намек, что это не первое изменение в мировой истории, которое патруль времени не сумел предотвратить, – ведь посещают патрульных странные сны и видения...

Таким образом, можно сделать некоторые выводы о состоянии жанра альтернативной истории в нашей отечественной литературе. Начавшись с широкой дискуссии вокруг двух болевых точек русской истории XX века, поле альтернативной истории начинает расширяться, обогащаясь новыми развилками. Писателей интересуют все более удаленные в историческом времени события, и для их проработки они строят все более запутанные, изощренные сюжеты.

Список литературы

1. Ноахер. Что такое альтернативная история? [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/k/konkurs_a_i/chtotakoealxternatiwnajaistorija-1.shtml (дата обращения: 16.07.2020).
2. Аникин А.В. Вторая жизнь. М.: Молодая гвардия (Библиотека советской фантастики), 1988. 192 с. илл.
3. Анисимов С. Вариант «Бис». М.: АСТ-Ермак (Звездный лабиринт), 2003. 540 с.
4. Белоусов В.И. Спасти СССР. «Попаданец» в пенсне. М.: Яуза-Эксмо (Военно-историческая фантастика), 2010. 448 с.
5. Березин Ф.Д. Встречный катаклизм. М.: Эксмо-Пресс (Российская боевая фантастика), 2001. 448 с.
6. Березин Ф.Д. Параллельный катаклизм. М.: Эксмо-Пресс (Российская боевая фантастика), 2002. 480 с.
7. Буркатовский С.Б. Вчера будет война. М.: Яуза-Эксмо (Российская фантастика), 2008. 448 с.
8. Валентинов А. Четвертый рейх. [Электронный ресурс]. URL: <http://odrozd.narod.ru/valentinov/tab4fset.html> (дата обращения: 16.07.2020).
9. Вершинин Л.Р. Хроники неправильного завтра. М.: Аргус (Серия фантастики «Хронос»), 1996. 368 с.
10. Вихрев Ф. Третий фронт. Партизаны из будущего. М.: Эксмо-Яуза (Военно-историческая фантастика), 2011. 448 с.
11. Володихин Д.М. Доброволец. СПб.: Лениздат-«Ленинград» (Боевая фантастика), 2007. 384 с.
12. Гришгорн В., Келлер И., Липатов Б. Бесцеремонный Роман. М.-Л.: Артель писателей «Круг», 1928. 204 с.
13. Гусариум: антология / сост. Алексей Волков. М.: Снежный Ком, 2013. 470 с.
14. Дивов О.И. Вундервафля: авторский сборник. М.: Эксмо, 2014. 352 с.
15. Дивов О.И. Абсолютные миротворцы: авторский сборник. М.: Эксмо, 2017. 384 с.

16. Зайков С., Мухортов Н. История в сослагательном наклонении // Дик Ф.К. Убик. Человек из высокого замка. Харьков, КИЦ Сварог, 1992. С. 447-462.
17. Зайчик Х. ван. Дело жадного варвара. Дело незалежных дервишей. Дело о полку Игореде / пер. с китайского Е.И. Худенькова и Э. Выхострюк. СПб.: Азбука-классика. 2005. 800 с.
18. Зайчик Х. ван. Дело лис-оборотней. Дело победившей обезьяны. Дело Судьи Ди / пер. с китайского Е.И. Худенькова и Э. Выхострюк. СПб.: Азбука-классика. 2005. 736 с.
19. Звягинцев В.Д. Одиссей покидает Итаку. Т.1. Черкесск: Изд-во «Аверс», 1995. 672 с.
20. Звягинцев В.Д. Право на смерть. М.: Эксмо-Пресс (Абсолютное оружие), 1998. 640 с.
21. Звягинцев В.Д. Время игры. М.: Эксмо-Пресс (Времена выбирают), 2001. 480 с.
22. Звягинцев В.Д. Дырка для ордена. М.: Эксмо-Пресс (Абсолютное оружие), 2002. 512 с.
23. Злотников Р.В. Царь Фёдор: авторский сборник. М.: Альфа-книга, 2012. 892 с.
24. Злотников Р.В. Генерал-адмирал: авторский сборник. М.: АСТ. 2014. 880 с.
25. Калашников В. Лига выдающихся декадентов. М.: Снежный ком, 2019. 256 с.
26. Лабиринты времени. Антология русской альтернативной истории / Сост. Дмитрий Володихин. М.: «Снежный ком-М», 2019. 160 с.
27. Лазарчук А.Г. Все способные держать оружие... М.: АСТ; СПб.: Terra fantastica (Звездный лабиринт), 1997. 512 с.
28. Лещенко В. Гитлерофилы нашей фантастики, или ква вадис, инфекция?! [Электронный ресурс]. URL: <http://www.graa.ru/lit.php?cr=141> (дата обращения: 20.10.2020).
29. Логинов А.А. Три танкиста из будущего. М.: Яуза-Эксмо, 2010. 320 с.
30. Максимушкин А.В. Красный реванш. М.: Эксмо (Абсолютное оружие), 2006. 480 с.
31. Максимушкин А.В. Бомбардировщики. М.: Эксмо (Абсолютное оружие), 2010. 384 с.
32. Первухин М. Вторая жизнь Наполеона // Журнал приключений. М., 1917. № 6-7.
33. Первухин М. Пугачев-победитель. Берлин: Медный всадник, 1924. 472 с.
34. Переслегин С.Б. Бриллиантовые дороги // Стругацкие А. и Б. Страна багровых туч. Путь на Альматею. Стажеры. М., 2000. С. 5-38.
35. Плещеева Д., Федотов Д. Охота на льва. М.: Вече, 2014. 288 с.
36. Поворот рек истории. Сборник рассказов. М.: Яуза-Каталог, 2019. 576 с.
37. Рюриков А.В. Бездне времен. М.: Яуза-Эксмо (Военно-историческая фантастика), 2011. 416 с.
38. Сергеев С. Всегда война. СПб.: Ленинградское издательство (Боевая фантастика), 2010. 432 с.
39. Сергеев С. Война сквозь время. СПб.: Ленинградское издательство (Боевая фантастика), 2011. 432 с.
40. Сергеев С. Пепел войны. СПб.: Ленинградское издательство (Боевая фантастика), 2011. 416 с.
41. Серебряков В.Д., Уланов А.А. Из Америки – с любовью. М.: Эксмо-Пресс (Абсолютное оружие), 2001. 512 с.
42. Столбиков А. Николаев И. Новый мир. СПб.: Ленинградское издательство (Боевая фантастика), 2011. 416 с.
43. Толчинский Б.А. Нарбоннский вепрь. М.: Т8/RUGRAM, 2020. 416 с.
44. Толчинский Б.А. Боги выбирают сильных. М.: Т8/RUGRAM, 2020. 412 с.
45. Толчинский Б.А. Воскресшие и мстящие. М.: Т8/RUGRAM, 2020. 452 с.
46. Фишман Л.Г. Картина будущего у российских фантастов. Липецк: «Крот», 2008. 68 с.

47. Чигиринский О. Госпожа удача. СПб.: Ленинградское издательство (Боевая фантастика), 2010. 416 с.
48. Чигиринский О. Госпожа победа. СПб.: Ленинградское издательство (Боевая фантастика), 2010. 416 с.
49. Шидловский Д. Враги. М.: Крылов (Историческая альтернатива), 2003. 384 с.

СТРАТЕГИИ ТВОРЧЕСТВА КАК СЮЖЕТ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ¹

Демина А.И.

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва,
кафедра философии, специалист по учебно-методической работе 2 категории

Цель статьи – показать, что научная фантастика в лучших своих образцах отражает основные тенденции художественного языка XX века, в частности – тематизирует проблематику художественного творчества, вводит фигуру писателя в качестве персонажа произведения, то есть в целом воспроизводит черты поэтологического романа. Показываются примеры тематизации творческой стратегии в произведениях А. и Б. Стругацких «Хищные вещи века», «Град обреченный», Р. Желязны «Повелитель снов», У. Гибсона «Граф Ноль», Д. Симмонса «Песни Гипериона», Дж. Нуна «Вирт».

Ключевые слова: творчество, Стругацкие, Желязны, Гибсон, Симмонс, Нун, поэтологический роман.

CREATIVE STRATEGIES AS A SUBJECT OF SCIENCE FICTION

Demina A.I.

Samara University,
Department of Philosophy, specialist in educational and methodical work of the 2nd category

The purpose of the article is to show that science fiction, in its best examples, reflects the main trends of the artistic language of the 20th century, in particular, it thematizes the problems of artistic creativity, introduces the figure of the writer as a character in the work, that is, in general, reproduces the features of a poetological novel. The examples of thematization of creative strategy are shown in the works of A. and B. Strugatsky "Predatory Things of Our Times", "The Doomed City", R. Zelazny "The Dream Master", W. Gibson "Count Zero", D. Simmons "Hyperion Cantos", J. Noon "Vurt".

Key words: creativity, Strugatsky, Zelazny, Gibson, Simmons, Noon, poetological novel.

В первую очередь определим, что мы понимаем под научной фантастикой. Мы исходим из широкого понимания фантастики, предложенного Е.Н. Ковтун, как одного из типов вымысла, как синонима повествования о необычайном, или «вторичной условности». Е.Н. Ковтун выделяет в литературе XX века шесть типов художественной условности: «рациональную (научную) фантастику и фэнтези (fantasy), сказочную, мифологическую, сатирическую и философскую условность», которые связывает с «жанровыми структурами литературной волшебной сказки, утопии, притчи, мифологического, фантастического, сатирического романа» [7, с. 13]. Типы условности

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00462 А «Философия техники Фридриха Дессауэра: эпистемология и антропология реалистской теории творчества».